

УДК 37.035.3(091)(470.53)
ББК 4403(2)6

ГРНТИ 14.09.31

Код ВАК 13.00.01

Дашкевич Людмила Александровна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, сектор методологии и историографии, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; 620090, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; e-mail: ldash54@mail.ru.

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СЕЛЬСКИХ ПРИЮТАХ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: благотворительность; сельские приюты; трудовое воспитание; система призрения; история образования.

АННОТАЦИЯ. Важным механизмом социальной помощи бедным и обездоленным детям в императорской России были приюты – особые учреждения, которые, исходя из современных понятий, соединяли в себе черты детского сада для дневного присмотра за детьми, интерната для детей необеспеченных родителей и детского дома для сирот. Большую роль в организации помощи крестьянским детям-сиротам играли сельские приюты, находившиеся в подчинении Ведомства учреждений императрицы Марии. В Пермской губернии к 1914 г. действовали 11 сельских и заводских приютов Мариинского ведомства, в которых призревало 236 детей. Главной задачей приютов было нравственно-религиозное воспитание детей. Кроме этого, большое внимание уделялось их профессиональной подготовке. Это усиливало возможности социальной адаптации детей-сирот. Воспитанники приютов получали первые навыки будущей сельскохозяйственной или ремесленной деятельности, что могло дать им средства к существованию в будущей взрослой жизни. Для девочек при приютах обычно создавались рукодельные мастерские: воспитанницы учились кроить, шить, вязать, чинить белье, одежду и обувь, занимались кулинарией. Мальчиков учили плотницкому, столярному, сапожному и башмачному делу, плетению циновок и корзин, а также другим ремеслам. В летнее время все дети занимались сельскохозяйственными работами. Многие приюты имели земельные участки. Собственное хозяйство было одним из источников дохода детских учреждений. Важное условие социализации воспитанников сельских приютов благотворители видели в создании для них такой обстановки, которая не отличалась бы от условий их будущей обычной крестьянской жизни.

Dashkevich Liudmila Aleksandrovna,

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Sector of Methodology and Historiography, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.

LABOR EDUCATION IN THE RURAL SHELTERS OF THE PERM PROVINCE IN LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

KEYWORDS: charity; country refuge; labour education; charity system; history of education.

ABSTRACT. An important mechanism for social assistance to poor and disadvantaged children in Imperial Russia were shelters – special institutions that, based on modern concepts, combined the features of a kindergarten for day-care, a boarding school for children of poor parents and an orphanage. A large role in the organization of assistance to peasant orphans was played by rural shelters, which were subordinate to the Office of the Empress Maria. In Perm province, by 1914, there were 11 rural and factory shelters of the Mariinsky department, in which 236 children were looked after. The main task of the shelters was the moral and religious upbringing of children. In addition, much attention was paid to their professional training. This increased the opportunities for social adaptation of orphans. Inmates of orphanages received the first skills of future agricultural or handicraft activities, which could give them the means for further survival in the future adulthood. Handmade workshops were usually established for girls in shelters, pupils learned to cut, sew, knit, repair linens, clothes and shoes, and to cook. The boys were taught carpentry, shoe mending and shoe business, weaving mats and baskets, as well as other crafts. In summer, all children were engaged in agricultural work. Many shelters had plots of land. Own economy was one of the sources of replenishment of children's institutions. Philanthropists believed it to be important to create in the shelters an environment that would not differ from the conditions of their future ordinary peasant life.

Важным механизмом социальной помощи бедным и обездоленным детям в императорской России были приюты – особые учреждения, которые, исходя из современных понятий, соединяли в себе черты детского сада для дневного присмотра за детьми, интерната для детей необес-

печенных родителей и детского дома для сирот. Значительную роль в финансировании этих учреждений и решении социальных проблем призреваемых детей играло Ведомство учреждений императрицы Марии. Именно в этом ведомстве впервые возникла идея расширения помощи крестьян-

ским детям. По закону, призрение сирот и неимущих крестьянских детей было возложено на местные сельские общества и отчасти земские органы самоуправления. Но земства, обремененные массой других забот, уделяли делу призрения крестьянских детей очень мало внимания, а сельские общества и вовсе не видели необходимости в организации детских благотворительных заведений. По сведениям комиссии, собранной для пересмотра законов об общественном призрении, к 1891 г. в 28 земских и 16 неземских губерниях России было менее 70 крестьянских благотворительных учреждений и лишь малая часть из них отводила место для бесприютных детей [18, с. 2]. Очевидно, что такая организация учреждений социальной помощи не могла играть никакой роли в облегчении участи крестьянских сирот.

В 1898 г. в Комитете главного попечительства детских приютов было принято решение о разработке проекта нормального устава сельских приютов для крестьянских сирот. Разработку устава поручили земскому начальнику одного из участков Шадринского уезда Пермской губернии Петру Михайловичу Ерогину, основателю успешно действовавшего Белоярского сельского приюта. Основой проекта Ерогина стало Положение 1891 г. о детских приютах Ведомства учреждений императрицы Марии. Чиновники ведомства считали главной задачей детских учреждений религиозно-нравственное воспитание детей. Сельские приюты должны были поселять в них «чувства веры, доброй нравственности, чистоты и трудолюбия», приучать к разным рукоделиям крестьянского быта и «ни малейшим образом» не изменять будущего назначения своих питомцев – быть крестьянами-хлебопашцами [4, с. 11].

Надо отметить, что проект Ерогина внес определенные новшества в принятое ранее Положение о детских приютах. Прежде всего, он считал необходимым существенно расширить возможности участия в делах приютов местного сельского общества. Предлагалось избирать из представителей крестьян каждого сельского общества особых наблюдателей за сиротами, которые могли бы участвовать в общих собраниях сельских попечительств наравне с попечителями, почетными членами и почетными старшинами приютов. В качестве награждения за активное участие в делах детского призрения предлагалось награждать этих крестьян почетными знаками Мариинского ведомства. По мнению земского начальника, участие представителей крестьян в работе попечительного общества создало бы «единение населения с приютом», без чего была невозможна успешная деятельность детского учреждения.

Серьезным прибавлением к требованиям Положения о детских приютах 1891 г. в проекте Ерогина стало уточнение вопроса о взаимоотношениях приюта со своими выпускниками. Земский начальник предлагал передавать имущество сирот (включая скот и птицу) в распоряжение администрации приюта, фиксируя его в особой описи, которая утверждалась в волостном правлении. Пока ребенок находился в приюте, его имущество можно было употреблять на текущие нужды учреждения, однако при выходе администрация должна была отдать все воспитанникам либо в качестве денежного вознаграждения с прибавкой из расчета 4% годовых, либо в натуральном виде, но лучшего качества. По мнению Ерогина, питомцы приюта, покидая стены детского учреждения в шестнадцать лет, должны были остаться под присмотром попечительского совета до двадцати одного года. В это время они могли работать в каких-либо семьях или у хозяев, которых подыскивали попечители. Принимая подростков на работу, хозяева должны были оговорить с ними условия оплаты. Сверх полного содержания в доме хозяина, сирота должен был получать денежное вознаграждение, которое, однако, не отдавалось ему на руки, а поступало в кассу приюта. Две трети из него сдавались на хранение в ссудо-сберегательную кассу, на книжку сироты, а остальная треть поступала в особый капитал приюта, из которого впоследствии совет приюта мог оказать помощь своим воспитанникам при обзаведении хозяйством. Эти правила, считал П. М. Ерогин, хотя и стесняли несколько свободу действий питомца, но гарантировали ему в будущем возможность самостоятельно встать на ноги.

Проект П. М. Ерогина был опубликован Комитетом главного попечительства детских приютов и разослан для обсуждения в губернские и уездные попечительства. Многие положения ерогинского проекта в ходе этого обсуждения вызвали серьезную критику, и прежде всего его предложения, касающиеся вопросов о попечении над имуществом крестьянских сирот. В отзывах указывалось, что предложенные правила противоречат российскому законодательству об опеке над сиротами и не могут быть применены в жизни. После обсуждения Комитет главного попечительства детских приютов не решился одобрить ерогинский проект. Решено было в каждом случае создания сельского приюта принимать отдельный устав, соответствующий местным условиям.

Надо заметить, что самому П. М. Ерогину при организации сельского приюта удалось справиться со многими трудностями, указанными в откликах на разработанный

ный им проект устава. По призыву земского начальника в 1894 г. крестьяне Шадринского уезда Пермской губернии решили основать детский приют в селе Белоярском. Они согласились вносить на содержание приюта по 3 копейки с души, что составляло около 400 рублей в год. Вскоре к финансированию приюта присоединилось уездное земство. На собранные деньги был построен и оборудован необходимым инвентарем дом. Дети получали здесь начальное образование и навыки почти всех крестьянских ремесел: мальчики обучались сапожному, переплетному и шорному делу, прядению ниток, плетению циновок, корзин, шляп, девочки – кройке, шитью, ткацкому и белошвейному ремеслу, ведению домашнего хозяйства [6, с. 53]. В 1896 г. деятельность приюта была поддержана Министерством земледелия и государственных имуществ. По докладу министра, приюту выделили 46 десятин земли и материалы для строительства летнего домика. В октябре 1897 г. в арендное пользование приют получил еще 157 десятин земли [6, с. 54]. В 1902 г. Белоярское сельское попечительство выстроило для приюта отдельную кузницу и здание учебной мастерской, в которых было налажено обучение детей кузнечному и столярному делу [9, с. 80]. Целью приюта было не только обучение детей определенным приемам ремесла и сельского хозяйства, но и передача им новых знаний и технологий. Для ткацких работ сельское попечительство приобрело самопрядильные и ткацкие самолетные станки новой модификации, для молотбы – конную молотилку, для провяливания – усовершенствованную веялку «Бостонка». Белоярский приют имел свой семенной банк [1, с. 76].

Собственное хозяйство стало одним из главных источников дохода детского учреждения. Под руководством заведующего сельским хозяйством дети самостоятельно осуществляли практически весь цикл необходимых работ: боронили, пахали, жали хлеб, присматривали за скотным двором и огородом. Приютские поля давали неплохой урожай. В 1909 г., например, Белоярское сельское попечительство сообщало, что с помощью наемных рабочих питомцы приюта обработали 46 десятин земли, с коих собрали 920 пудов пшеницы, 200 пудов озимой ржи, 610 пудов овса, 400 пудов картофеля. На приютской ферме они содержали семнадцать дойных коров, получаемое от которых молоко не только покрывало внутренние нужды, но и реализовывалось на рынке. В 1909 г. за счет продажи молока было выручено 190 р. 53 к. [12, с. 33, 64].

Администрация Белоярского приюта всячески стремилась заручиться матери-

альной и моральной поддержкой общества. Мероприятия, приуроченные к значимым событиям в жизни детского учреждения, всегда тщательно подготавливались и публично, с особой торжественностью праздновались. Из сохранившихся описаний этих торжеств видно, что они становились важным событием в жизни окружающих сел. Репортаж газеты «Урал» от 21 июня 1898 г., например, следующим образом рисует картину праздника, посвященного вступлению Белоярского приюта в состав Мариинских учреждений: «Маленький сельский домик в лесу был покрыт флагами, терраса его была полна народа, весь садик и огород был украшен флагами, а летний барак, где обыкновенно спят и проводят свободное время дети, был превращен в громадную столовую, где лежало до 200 рыбных пирогов. Более ста крестьян в самых нарядных костюмах с женщинами и детьми гуляли в саду под флагами, дожидаясь окончательного съезда приглашенной публики и местного окружного духовенства, и все с любопытством показывали друг другу на преобразившихся, раньше нищенствующих своих деревенских детей, которые, несколько не смущаясь наплывом такой необыкновенной публики в их лесной уголок, спокойно гуляли себе группами в своих пестрядинных чистых костюмах, чувствуя себя приятно хозяевами такого множества гостей».

Корреспондент газеты отмечал, что внимание крестьян привлекли передовые методы ведения приютского хозяйства. Мужчины толпились у конюшни, где были представлены прекрасные жеребцы, подаренные приюту великим князем Дмитрием Константиновичем, женщины посещали огород, где каждый из детей имел свою маленькую грядку и высаживал то, что ему более нравилось: горох, бобы, огурцы, дыни. Около барака вниманию публики были представлены прекрасные плуги разных систем, с помощью которых мальчики обрабатывали поля. «Эти плуги, и простые, и сложные, и дорогие, и дешевые, очень привлекали крестьян, видно было, что они тоже разбирают их достоинства и недостатки, как и образцовых жеребцов этого приюта с той точки зрения, насколько они применимы для обыденного хозяйства и по средствам, и по качествам» [3, с. 3].

Белоярский приют, таким образом, становился для сельских жителей не только благотворительным учреждением, но и важным очагом культуры, что встречало понимание у общества. Благотворительные пожертвования стали одним из важных источников финансирования детского учреждения. Успехи воспитательной деятельности образцового Белоярского приюта с удовлетворением отмечались в отчетах Перм-

ского губернского попечительства. «Несомненно, что такой тип приюта должен считаться наиболее жизнеспособным и заслуживающим всяческой поддержки общества. Что это истина неоспоримая, с этим должен согласиться всякий, кому приходилось лично наблюдать жизнь Белоярского приюта на хуторе в рабочее летнее время: тут можно видеть, как загорелые, жизнерадостные, здоровые по виду ребяташки копошатся под открытым небом в поле, как они умело выполняют разные сельскохозяйственные работы при доме, в поле, в лесу и в огороде и как они ловко обращаются с сельскохозяйственными орудиями и даже машинами; здесь можно слышать их здоровые, веселые и звучные голоса и смех; даже если взглянуть на резвящихся во дворе малышей, не участвующих в работах по малолетству, то приходится видеть своеобразные идиллические картины: один из малышей, вместо игрушки, возится с самодельными маленькими граблями, другой – старается запрячь свинью в свою тележку, следующий хочет поймать своего любимца жеребенка, который, вырвавшись, роняет его; а вот девочка притащила пучок свежесорванной зеленой травы и кормит ею теленка и т. п.» [16, с. 14]. К 1 января 1914 г. Белоярский приют владел собственным домом и земельным участком площадью около 50 га земли (46 десятин). В приюте числились 43 ребенка (20 мальчиков и 23 девочки).

В целом, однако, судя по отчетам губернского попечительства, инициатива шадринского земского начальника Ерогина внедрялась в уральской деревне с большим трудом. В Пермской губернии к 1914 г., помимо Белоярского, было создано лишь десять сельских и заводских приютов. Один из первых появился в селе Мехонском Шадринского уезда в 1895 г., вскоре после учреждения сельского Белоярского приюта. Этим благотворительным актом крестьянский сход решил ознаменовать торжество бракосочетания императора Николая II и Александры Федоровны. Мехонское общество пожертвовало приюту небольшой деревянный дом, пригодный для размещения 15 детей. В 1901 г. дом был расширен, в нем построили еще две комнаты, что дало возможность принять больше детей [8, с. 93]. На их содержание крестьяне решили выделить ежегодные взносы по 3 копейки с каждой души. В целом это была не очень большая, но постоянная сумма (в 1899 г. поступления составили 144 р. 54 к.). Это стало основанием для включения приюта в сеть учреждений императрицы Марии. Решение об этом было принято 18 июля 1899 г. [7, с. 13]. К 1 января 1914 г. приют призревал 13 детей (4 мальчика и 9 девочек).

Вскоре в Шадринском уезде появилось еще одно учреждение детского призрения. Крестьянские сходы Иванищевской, Кривской и Сухринской волостей решили основать приют с богадельней для увечных и немощных стариков в селе Канашском, для чего выделялись ежегодные крестьянские взносы от жителей Иванищевской волости в 10, Кривской – в 5, а Сухринской – в 4 копейки с души. Дом, приобретенный на благотворительные средства, принял первых воспитанников 26 октября 1895 г. В ведение учреждений императрицы Марии Канашский приют поступил 4 ноября 1898 г. К 1 января 1914 г. он призревал 20 крестьянских сирот (11 мальчиков и 9 девочек), в богадельне жили 6 стариков. Некоторые из них, по просьбе попечительства, работали в приюте в качестве нянек, присматривая за малышами.

Как и в прочих сельских приютах, дети школьного возраста посещали народную школу, старшие же и младшие учились ремеслам. В летнее время ребят отправляли в хозяйства зажиточных крестьян, им разрешали привлекать детей для помощи в легких сельскохозяйственных работах. После выпуска попечительство старалось устроить дальнейшую судьбу своих воспитанников. Дети помещались на обучение к местным ремесленникам, устраивались «для письменных занятий» в волостные правления, отправлялись в низшую сельскохозяйственную школу при земской ферме. На содержание приюта тратилось ежегодно 700 рублей. Две трети от этой суммы попечительство покрывало денежными взносами самих крестьян, остальное – за счет доходов от продажи хлеба, поступавшего в качестве благотворительной помощи из волостей. Были и доходы от ремесленных занятий детей [6, с. 58, 59]. Из собственных средств Канашский сельский приют оказывал помощь не только своим воспитанникам, но и другим бедным крестьянским детям. В военный 1904 г. деревенским сиротам было выдано 68 р. [10, с. 102]. Помимо этого, деньги на воспитание сирот у частных лиц выдавало Шадринское уездное попечительство детских приютов. В 1908 г. оно содержало двух мальчиков и одну девочку [11, с. 100]. Возраст пребывания воспитанников в детских заведениях по просьбе попечителей был увеличен до 14–16 лет. Важное условие социализации воспитанников сельских приютов благотворители видели в создании для них такой обстановки, которая не отличалась бы от условий их будущей обычной крестьянской жизни. В 1913 г. перед Главным управлением землеустройства и земледелия ходатайствовали о бесплатном выделении Мехонскому и Ка-

нашскому приютам участков земли [14, с. 54]. На удовлетворение этой просьбы, однако, чиновники не пошли.

Финансовую поддержку Чердынскому уездному попечительству детских приютов оказало местное земство. В 1901 г., после обсуждения проблем детского призрения на селе, уездное земское собрание решило внести в смету своих расходов 600 р. на открытие и содержание приюта в селе Пянтег [8, с. 93]. Крестьянский сход выделил детскому заведению бесплатное общественное помещение, которое и приняло 11 июля 1902 г. первых воспитанников. К 1 января 1914 г. здесь числились 16 мальчиков. 12 октября 1904 г. в Чердынском уезде появился еще один сельский приют – в селе Покче [10, с. 7]. Для него попечительство приобрело собственный дом, в котором к 1 января 1914 г. призревались 22 девочки. Воспитанницы получали элементарное образование и первоначальные навыки ведения сельского хозяйства. Учили их также рукоделию, кройке и шитью одежды.

Катайский сельский сиротский приют был создан в Камышловском уезде 7 ноября 1899 г. К 1 января 1914 г. он имел собственный дом со службами, огород и усадьбное место общей площадью около 1,7 га (3693 квадратных сажени). К Ведомству учреждений императрицы Марии приют стал относиться 12 мая 1900 г. Дети получали здесь первоначальное образование и обучались ремеслу и сельскому хозяйству. Как и в Белоярском приюте, попечительство старалось приучить своих воспитанников к полевым работам: дети выполняли практически весь их цикл самостоятельно, под наблюдением взрослого рабочего. Катайское сельское попечительство знакомило своих питомцев с передовыми методами ведения сельского хозяйства. Для этого при приюте был создан сельскохозяйственный музей, в котором имелись не только необходимые коллекции, но и библиотека справочных пособий. Устав Катайского музея был утвержден центральным управлением приютов в 1902 г. [9, с. 86]. К 1 января 1914 г. в Катайском приюте числились 13 детей (6 мальчиков и 7 девочек).

Кудымкорский сельский детский приют был открыт в 1902 г. по инициативе Соликамского уездного попечительства детских приютов. Для его организации крестьяне Кувинской и Верх-Инвенской волостей согласились выделить ежегодное пособие в 2 копейки с души. Олычевское сельское общество отдало приюту 72 десятины земли (около 78 га), а местные благотворители пожертвовали дом [9, с. 89]. Позднее, однако, размеры земельного участка существенно уменьшились. К 1 января 1914 г. они составляли лишь

около 1,4 га (3000 квадратных сажени). Приют опекал в это время 8 мальчиков [14, с. 90]. В число заведений Мариинского ведомства он был включен 24 января 1905 г.

Деятельность Ирбитского уездного попечительства была не столь успешной. Созданные им в 1902 г. приюты в селах Краснослободском и при Невьянском заводе вскоре были закрыты из-за малочисленности призревавшихся там детей и недостатка средств. Краснослободский приют действовал до 1 февраля 1907 г., Невьянский – до 15 марта 1910 г. После закрытия этих заведений их питомцев перевели в приют села Верх-Ницынского, который начал свою работу 5 ноября 1906 г. К 1 января 1914 г. Верх-Ницынский приют призревал 18 детей (9 мальчиков и 9 девочек).

Недолгой была и история сельских приютов в Красноуфимском уезде Пермской губернии. Нязепетровский приют, учрежденный 23 августа 1902 г. в заводском поселке, разместился в здании местного церковно-приходского училища. Для управления им было создано сельское попечительство. Широкой благотворительной поддержки оно, однако, не получило. В 1910 г. приют призревал всего 6 мальчиков. В следующем, 1911 г. Нязепетровское сельское попечительство прекратило свое существование. Современники замечали, что частная и общественная благотворительность на горных заводах не имела столь широкого распространения, как в городах, так как мастеровые привыкли к попечению о них заводоладельцев и горного начальства.

Были, впрочем, и исключения. В казенном Кушвинском заводе местные жители создали свое благотворительное общество, которое действовало с 1882 г., получая средства за счет членских взносов, пожертвований, кружечного сбора, прибылей от процентных бумаг, доходов от благотворительных спектаклей, балов-базаров, лотерей. Детищем благотворительного общества стал приют, который получил название «Убежище бедных детей». Кушвинский приют был создан 30 августа 1882 г. Для размещения детского заведения местный купец-золотопромышленник Д. И. Колчин пожертвовал свой дом [2, с. 18].

Кушвинское благотворительное общество было не слишком богатым (к 1891 г. его капитал составлял всего 3550 р. [17, с. 130]), поэтому решено было обратиться за помощью в содержании приюта к Мариинскому ведомству. Главный комитет попечительств детских приютов пошел навстречу этой просьбе: 31 декабря 1911 г. кушвинское «Убежище бедных детей» было принято в ведение учреждений императрицы Марии. К 1 января 1914 г. оно содержало 26 детей

(8 мальчиков и 18 девочек). Поступали сюда сироты не только из Кушвы, но и из расположенных вблизи заводского поселка сел и деревень. В приюте работала мастерская, где мальчиков обучали плотницкому ремеслу, а девочек – рукоделию. Перед войной, в 1913 г., в мастерской появилась новая швейная машина; уроки шитья на ней, а также вышивания воспитанницам приюта стали давать сами служащие фирмы «Зингер» [14, с. 38]. Для продолжения образования Кушвинское попечительство отдавало наиболее способных своих питомцев в ремесленные училища, высшие начальные школы и даже средние учебные заведения, «в полной мере исполняя принимаемую им на себя в отношении их жизненную ответственность» [15, с. 30]. Практика воспитания детей в заводском Кушвинском приюте, как мы видим, не связывала будущее детей с крестьянским трудом.

Отличался от сельских по направлению воспитания детей и Юго-Кнауфский приют, созданный в поселке бывшего медеплавильного и железодельного завода. Собственной земли у приюта не было, поэтому повседневная жизнь детей напоминала порядки, принятые в городских детских заведениях. Девочек обучали здесь вязанию чулок, шарфов, вышиванию по канве, кройке и шитью, мальчиков – сапожному ремеслу и кровельному делу, видимо, имевшему распространение среди заводчан. Попечительство давало своим питомцам основы образования в рамках программы начальных народных школ, а более способных отправляло в высшие начальные училища, гарантируя для них в приюте стол и ночлег [8, с. 99]. В летнее время детей отдавали в крестьянские семьи, где они использовались в качестве работников и нянек. Высочайшее разрешение на открытие Юго-Кнауфского сельского попечительства было дано 25 ноября 1910 г. [13, с. 8], сам же приют возник гораздо раньше – 6 декабря 1900 г. В отчете отмечается, что инициативу создания детского учреждения проявил горный инженер С. Г. Грязнов. К 1 января 1914 г. Юго-Кнауфский приют опекал 28 детей (14 мальчиков и 14 девочек).

Довольно крупным был приют, возникший 26 февраля 1892 г. в поселке казенного Каменского завода. Приют призревал первоначально 15 круглых сирот от 4 до 14 лет. Частные благотворительные средства, поступавшие на их содержание, были невелики – около 500 р. в год [5, с. 17]. В 1895 г. было принято решение о присоединении Каменского приюта к Ведомству учреждений императрицы Марии. Во главе его, на основании Положения 1891 г., было поставлено

местное попечительство, в которое вошли в качестве действительных членов управитель и смотритель Каменского завода, священник, становой пристав, земский начальник, судебный следователь, горный и земский врачи. Почетными членами стали местные благотворители – купцы, чиновники, представители интеллигенции.

Едва возникнув, Каменское попечительство энергично занялось проблемами расширения деятельности детского учреждения. В 1897 г. оно обратилось в Министерство земледелия и государственных имуществ с ходатайством об устройстве при приюте образцовой фермы, где дети могли бы обучаться садоводству и огородничеству. Министерство, однако, на удовлетворение этой просьбы не пошло. Вскоре, правда, на этот призыв откликнулись местные предприниматели. В 1901 г. владелец соседней с Каменским приютом усадьбы купец Олесов бесплатно отдал попечительству свою землю общей площадью в 117 десятин 1600 квадратных саженей (около 0,9 га) в пользование на 12 лет. Здесь в заботах по огороду дети «с особенным удовольствием проводили все лето» [8, с. 115]. В 1898 г. приют переехал в новое каменное двухэтажное здание, которое было пожертвовано ему почетным членом попечительства купцом Ф. А. Сосниным [6, с. 73].

Воспитание детей в Каменском приюте строилось на трудовой подготовке. При приюте была создана рукодельная мастерская, воспитанницы учились здесь кроить, шить, вязать, чинить белье, одежду и обувь. Опытный повар на кухне обучал девочек кулинарному искусству, причем настолько успешно, что в 1901 г. распорядитель праздника, посвященного 200-летию завода, поручил им приготовить пироги: 80 «осетровых» для угощения служащих и 500 «сырковых» – для рабочих. Отзывы гостей были самыми благоприятными [8, с. 83]. Девочки по очереди пекли хлеб, принимали участие в приготовлении обедов, убирали комнаты, стирали и гладили белье, доили коров. Мальчики также помогали в работах по двору и обучались сапожному ремеслу. К 1 января 1914 г. приют опекал 26 детей (8 мальчиков и 18 девочек).

Подводя итоги, можно заметить, что все сельские приюты уделяли большое внимание профессиональной подготовке детей. Это усиливало возможности социальной адаптации детей-сирот. Воспитанники приютов получали первые навыки сельскохозяйственной или ремесленной деятельности, которая могла дать им средства к существованию в будущей взрослой жизни.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Алферова Е. Ю. Призрение сирот в дореволюционный период // Население России и СССР: новые источники и методы исследования : сб. науч. ст. – Екатеринбург, 1993. – С. 70–78.
2. Бухаркина О. А. Город у горы Благодать // Уральский следопыт. – 1992. – № 7. – С. 16–18.
3. Носилов К. Маленькое торжество в Белоярском сельском приюте // Урал. – 1898. – 21 июня.
4. О необходимости издания нормального устава для сельских детских приютов // Вестн. благотворительности. – 1898. – № 6. – С. 10–15.
5. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным высочайшим их императорских величеств покровительством за 1895 год. – СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1897. – 246 с.
6. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным высочайшим их императорских величеств покровительством за 1898 год. – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1900. – 244 с.
7. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным высочайшим их императорских величеств покровительством за 1899 год. – СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1901. – 240 с.
8. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным высочайшим их императорских величеств покровительством за 1901 год. – СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1903. – 173 с.
9. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным высочайшим их императорских величеств покровительством за 1902 год. – СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1904. – 187 с.
10. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным высочайшим их императорских Величеств покровительством за 1904 год. – СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1906. – 205 с.
11. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным высочайшим их императорских величеств покровительством за 1908 год. – СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1909. – 327 с.
12. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным высочайшим их императорских величеств покровительством за 1909 год. – СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1910. – 305 с.
13. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным высочайшим их императорских величеств покровительством за 1910 год. – СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1911. – 327 с.
14. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным высочайшим их императорских величеств покровительством за 1913 год. – СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1915. – 159 с.
15. Отчет по Ведомству детских приютов, состоящих под непосредственным высочайшим их императорских величеств покровительством за 1914 и 1915 год. – СПб. : Тип. В. Киришбаума, 1916. – 169 с.
16. Отчет Пермского губернского попечительства детских приютов за 1900 год. – Пермь : Тип. губ. правления, 1901. – 76 с.
17. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 год. – Пермь : Тип. П. Ф. Каменского, 1891. – 325 с.
18. Сельские детские приюты Ведомства учреждений императрицы Марии. – Петроград, 1915. – 144 с.

R E F E R E N C E S

1. Alferova E. Yu. Prizrenie sirot v dorevolutsionnyy period // Naselenie Rossii i SSSR: novye istochniki i metody issledovaniya : sb. nauch. st. – Ekaterinburg, 1993. – S. 70–78.
2. Bukharkina O. A. Gorod u gory Blagodat' // Ural'skiy sledopyt. – 1992. – № 7. – S. 16–18.
3. Nosilov K. Malen'koe torzhestvo v Beloyarskom sel'skom priyute // Ural. – 1898. – 21 iyunya.
4. neobkhdimosti izdaniya normal'nogo ustava dlya sel'skikh detskikh priyutov // Vestn. blagotvritel'nosti. – 1898. – № 6. – S. 10–15.
5. Otchet po Vedomstvu detskikh priyutov, sostoyashchikh pod neposredstvennym vysochayshim ikh imperatorskikh velichestv pokrovitel'stvom za 1895 god. – SPb. : Tip. V. Kirshbauma, 1897. – 246 s.
6. Otchet po Vedomstvu detskikh priyutov, sostoyashchikh pod neposredstvennym vysochayshim ikh imperatorskikh velichestv pokrovitel'stvom za 1898 god. – SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 1900. – 244 s.
7. Otchet po Vedomstvu detskikh priyutov, sostoyashchikh pod neposredstvennym vysochayshim ikh imperatorskikh velichestv pokrovitel'stvom za 1899 god. – SPb. : Tip. V. Kirshbauma, 1901. – 240 s.
8. Otchet po Vedomstvu detskikh priyutov, sostoyashchikh pod neposredstvennym vysochayshim ikh imperatorskikh velichestv pokrovitel'stvom za 1901 god. – SPb. : Tip. V. Kirshbauma, 1903. – 173 s.
9. Otchet po Vedomstvu detskikh priyutov, sostoyashchikh od neposredstvennym vysochayshim ikh imperatorskikh velichestv pokrovitel'stvom za 1902 god. – SPb. : Tip. V. Kirshbauma, 1904. – 187 s.
10. Otchet po Vedomstvu detskikh priyutov, sostoyashchikh pod neposredstvennym Vysochayshim ikh imperatorskikh Velichestv pokrovitel'stvom za 1904 god. – SPb. : Tip. V. Kirshbauma, 1906. – 205 s.
11. Otchet po Vedomstvu detskikh priyutov, sostoyashchikh pod neposredstvennym vysochayshim ikh imperatorskikh velichestv pokrovitel'stvom za 1908 god. – SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 1909. – 327 s.
12. Otchet po Vedomstvu detskikh priyutov, sostoyashchikh pod neposredstvennym vysochayshim ikh imperatorskikh velichestv pokrovitel'stvom za 1909 god. – SPb. : Tip. V. Kirshbauma, 1910. – 305 s.
13. Otchet po Vedomstvu detskikh priyutov, sostoyashchikh pod neposredstvennym vysochayshim ikh imperatorskikh velichestv pokrovitel'stvom za 1910 god. – SPb. : Tip. V. Kirshbauma, 1911. – 327 s.
14. Otchet po Vedomstvu detskikh priyutov, sostoyashchikh pod neposredstvennym vysochayshim ikh imperatorskikh velichestv pokrovitel'stvom za 1913 god. – SPb. : Tip. V. Kirshbauma, 1915. – 159 s.
15. Otchet po Vedomstvu detskikh priyutov, sostoyashchikh pod neposredstvennym vysochayshim ikh imperatorskikh velichestv pokrovitel'stvom za 1914 i 1915 god. – SPb. : Tip. V. Kirshbauma, 1916. – 169 s.
16. Otchet Permskogo gubernskogo popechitel'stva detskikh priyutov za 1900 god. – Perm' : Tip. gub. pravleniya, 1901. – 76 s.
17. Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Permskoy gubernii na 1892 god. – Perm' : Tip. P. F. Kamenskogo, 1891. – 325 s.
18. Sel'skie detskie priuty Vedomstva uchrezhdeniy imperatritsy Marii. – Petrograd, 1915. – 144 s.